

Карьерная лестница

ПЕРСОНА

**ВЛАДИМИР КЛАВИХО-ТЕЛЕПНЕВ:
«ХУДОЖНИК НУЖДАЕТСЯ
В ПРАЗДНОСТИ»**

Его имя стало известным благодаря фэшн-снимкам, рекламным разворотам в гламурных журналах. Они поражали какой-то не нашей роскошью, выверенностью форм и одновременно человечностью. Наевшись вдоволь глянцевого продукта и приобретя необходимый навык, он все-таки нашел в себе силы оставить эту неплохую кормушку и отправиться в свободное плавание. И теперь лишь сожалеет, что практически все отечественные издания скованы однообразными концепциями, нет простора для идей креативных фотографов. Наверное, это дело будущего. А пока он, один из немногих, пытается пробиться, снимает для души — то, что хочет. Его снимки не спутаешь с работами других авторов, они стоят дорого и востребованы. Он ратует за качественную художественную фотографию, на которую можно будет любоваться, как на произведения живописи или скульптуры в музеях.

— Владимир, по знаку зодиака вы Дева. Если верить звездам, то, помимо обладания извечным стремлением к красоте и гармонии, эти люди еще и крайне дисциплинированы и одержимы страстью к знаниям. В детстве вас наверняка не заставляли учиться, а вы охотно это делали сами, верно?

— Ой, не сказал бы. В школе учился довольно-таки плохо, двоечником был. Только когда в старших классах меня перевели в новую школу, несколько подтянулся, и то по причине того, что там была преподавательница, которая поверила в меня, разговаривала со мной уважительно, на вы, и я старался соответствовать. В институте тоже не был передовиком, но уже не из-за отсутствия интереса, а по причине заданного изначально слишком быстрого темпа обучения, который не очень соответствовал моему внутреннему ритму. В каждой дисциплине, будь то скульптура или живопись, я хотел добраться до самой сути предмета, а не анализировать его поверхностно, но времени на это выделено не было. Поэтому я всегда на каком-то участке застревал, когда другие шли вперед. То есть, допустим, продолжал делать скульптуру, когда все остальные уже переключились на живопись.

— Но в достижении совершенства нет ничего плохого...

— Да, только меня каждый семестр выгоняли, а я доказывал, что умею рисовать. Вообще, на собственном опыте убедился, что хорош тот преподаватель, который не только пытается вдолбить свои знания, а прививает ученикам вкус к учебе.

— Педагог — это особая специальность, вы чувствуете в себе призвание делиться накопленным материалом? У вас действительно достаточный педагогический стаж: и в МГУ вы преподаете, и в Академии дизайна работали, и даже в собственной фотошколе.

— Я уверен, что заниматься этим нужно, только когда чувствуешь отдачу. Естественно, не каждый будет делиться тем, что знает и умеет. Многие чрезвычайно ревностно относятся к своему багажу. Но нарождающимся талантам, которые без усталости тебя теребят, надо помогать, и этот род деятельности меня захватил.

— К лекциям вы серьезно готовитесь?

— Лекции для меня — всегда импровизация, как и съемки. Разумеется, есть домашние заготовки, но я их не

использую напрямую. Порой удачная съемка начинается лишь тогда, когда неожиданно на площадке, например, падает и разбивается вдребезги чашка...

— Почему государственных вузов вам показалось мало и вы открыли частное учебное заведение, это проистекало из амбиций?

— Отчасти это был мой способ заработать на тот момент, потому как я тогда ушел из всех модных глянцевых журналов, и они объявили мне бойкот. Я перестал играть по их правилам.

— С чего вдруг?

— Устал от легковесности формата, понял, что это не мое. У каждого художника ведь своя ниша, свое пастбище. Вон Ньютон, до смерти снимал для журналов — и был доволен. А мне захотелось чего-то иного, пусть даже ценой отказа от приличных гонораров.

— На ваш взгляд, осмысленная страсть к учебе зависит от возраста?

— Как правило, да. Далеко не все понимают, что им нужно в юности. Для примера: в МГУ я вел два курса, один начальный, где совсем молоденькие ребята, другой — повышения квали-

фикации, где люди все взрослые, уже работающие в журналах, рекламных агентствах, пиар-компаниях. Интерес последних был очевиден: получив определенную информацию сегодня вечером, завтра утром они применяли ее на практике. Потому и ценили обучение.

— Вы, как я понимаю, к фотографии пришли тоже не сразу...

— Более того, в институте меня этот предмет совсем не занимал. К художественной фотографии я пришел постепенно. Свою роль еще сыграла одна знакомая, которой неудобно было представлять меня своим друзьям в качестве студента-художника, и она рекомендовала меня как фото-корреспондента. И правда, потом я, как и отец, стал писать событийные репортажи, в основном для западных изданий, затем купил камеру и начал одно-

временно снимать. В некотором смысле я тем самым продолжил семейную династию, потому как мой дедушка с папиной стороны был как раз фотографом, владельцем фотоателье.

— Ваш отец родом из Латинской Америки, из Колумбии, значит, вы с малолетства говорите на двух языках — русском и испанском?

— Да. Еще итальянский понимаю, потому что он похож на испанский. Английский язык знаю хуже.

— Вы согласны, что основной базис знаний закладывается именно в детстве?

— Абсолютно верно. Поэтому я очень благодарен моим бабушке и дедушке с маминой стороны, художникам, закончившим Вхутемас, которые легко, ненавязчиво, в форме игры многому меня научили. Дети впитывают в

себя все неосознанно. Насилие в учебе ни в коем случае нельзя применять. Это я понял еще студентом, когда обучал детишек рисованию. Кстати, именно тогда почувствовал, что могу удерживать внимание ребенка длительное время, а значит, внимание взрослого тем более смогу удержать.

— У вас трое детей: сын Николай и две дочери — Анна-Мария и Нина-Климентина. Чему вы их обучаете?

— Во-первых, я считаю, что мужское и женское воспитание должно отличаться. Во-вторых, следует как можно раньше определить, математик твой ребенок или гуманитарий. Так, со мной бесполезно было говорить о химии или физике. Важно дать маленькому человеку свободу выбора. Нас с братом мучили фортепиано, но никакого толка не вышло. Я своих детей никог-

Работы В. Клавихо-Телепнева

Рената Литвинова

Инесеборга Данкуанте

да не заставлял ничего делать специально. Борюсь с нашей няней, объясняя ей, что рисование — это не чистописание, ему нельзя учить. В этом вопросе надо только следовать за ребенком, смотреть, что и как он изображает на листе, не ограничивать его фантазию, а, наоборот, пускать мозг в свободный полет. Дочки мои обе рисуют, но насколько им это понадобится в будущем, я пока не знаю.

— Руссо писал: «Из доступных нам знаний иные ложны, другие бесполезны, третьи служат пищей для гордости того, кто ими обладает. Лишь незначительное число тех, которые действительно способствуют нашему благополучию». Какими поистине полезными знаниями обладаете вы?

— Это все те знания, которые связаны с профессией. Правда, когда на что-то

настроен, информация к тебе приходит извне — удивительным образом устроено наше подсознание, которое работает как будто на опережение событий. Вот пример: сегодня я занимаюсь такой полузабытой техникой XVIII века, которая называется эгломизе, но еще несколько лет назад мне на глаза постоянно попадалась литература на данную тему, а потом совершенно случайно сосед по лестничной клетке, искусствовед-коллекционер, показал мне миниатюру, выполненную в этой технике. То есть все вроде как сводилось воедино.

— Компьютер в вашем творчестве помогает?

— Компьютер я использую лишь как инструмент, ничего с его помощью не меняю в изображении. Сочетание ручного труда и современных технологий, уверен, дает наилучший эффект. Одна-

ко не все фотографы со мной согласны: кто-то предпочитает чистую, винтажную, авторскую фотографию, напечатанную на бумаге, а кто-то вообще работает с компьютером и воплощает там то, что не сделал в кадре. Но это все не мои коллеги.

— Персонажи, которых вы снимаете, всегда соглашаются с вашей задумкой, не предлагают свои идеи?

— Нет, во-первых, я никогда не иду на поводу, а во-вторых, раз уж они ко мне пришли, значит доверяют.

— Кто спонсирует ваши сегодняшние проекты?

— Судостроительный банк, с руководителями которого я подружился совсем недавно. Благодаря их поддержке планирую выпустить альбом *Sensuality*, а затем скорее всего возьмусь за тему сталинского ампира.

— На художественную литературу время остается, что читаете?

— Я читаю то, что мне нужно для работы. Сейчас вот Ейца, Оскара Уайльда, Флоренского (по композиции). Классиков мировой прозы тоже беру в руки, если того требует проект. Когда Анатолий Васильев поставил спектакль «Путешествие с Онегиным», по приглашению режиссера я имел честь попытаться представить некое соединение фотографии и действия. Тогда меня интересовало все, что связано с Евгением Онегиным.

— По-вашему, художник нуждается в дисциплине, в работе строго по часам?

— Не думаю, художник часто должен быть праздным. В этот момент он, подобно компьютеру, перезагружается и аккумулирует свежие мысли. Мне нравится просто сидеть где-нибудь в сквере и наблюдать за проходящими мимо людьми, детьми, посещать бега, когда нет зрителей и лошади бегают не за деньги.

— Почему вы отдаете предпочтение черно-белым изображениям и не любите цвет?

— Цвет я не люблю, потому что не могу его контролировать. Он хорош в живописи. Графика привлекает меня своей конкретностью и лаконичностью. Фотография имеет свойство постоянно меняться, на каждом участке производства, начиная с проявки. И для меня все-таки цвет на снимках — это не тот реальный, который присутствует, он мне не интересен, а некий свой, который я вижу, внутреннего пространства. Живопись есть и в черно-белых фотографиях, только она гораздо сложнее. Когда себя ограничиваешь в средствах, результат выходит лучше. Я давно понял, что фотография — наука философская, в которой много психологии, и если разобраться, крайне мало вещей технических. То есть мы говорим со зрителем ассоциативным, многослойным языком.

— Тогда скажите, как художник уверяет, что мастерство его растет?

— Мой дед, когда учил меня рисованию, в конце каждой недели выкладывал мои рисунки и пытался опре-

делить, какой я сделал в понедельник, а какой в пятницу, последний должен был быть на порядок выше по качеству. Сейчас я уже, конечно, так не делаю, но время от времени себя проверяю. И тут меня радует тот факт, что картинки, которые я сделал сравнительно давно, меня не раздражают, не возникает желания в них что-то добавить или совсем снять со стены.

— Есть в доме призы, которыми вы по-настоящему гордитесь?

— Да, их два. Первый мне вручили за портрет известной итальянки Бенедетты Борзини, а вторым был приз за

маленькую книжечку, которую я издал не в России, а в Братиславе, она была объявлена лучшим фотоальбомом Восточной Европы, и многие корифеи вроде немецкого издателя Ширмера говорили мне всякие приятные слова.

— Каких известных актрис, уже ушедших от нас, вы бы с удовольствием сняли, если бы представилась такая возможность?

— Симону Синьоре, Марлен Дитрих, Ингрид Бергман, Грейс Келли.

Елена ГРИБКОВА

Владимир КЛАВИХО-ТЕЛЕПНЕВ

Родился в 1962 г. в городе Москве.

В 1986 г. окончил Московскую полиграфическую академию по специальности художник-график.

С 1986 г. работал в качестве фоторепортера для ряда итальянских, французских и испанских изданий. Одновременно принимал участие в выставках живописи и графики московских художников.

С 1993 г. — член Международной ассоциации художников-графиков.

С 1996 г. занимается фотосъемкой моды и рекламы.

1996 г. — приз «Мастер-96» рекламного фестиваля за лучший рекламный проект.

С 1999 г. — собственные фотографические проекты (антивоенный проект 000 «Белград» с участием семи известных российских деятелей искусств).

1996, 1998 и 2000 гг. — участие в Международных московских фотобиеннале, организованных Московским домом фотографии.

С 2000 г. — член Союза фотохудожников России.

С 2000 г. преподает фотографию на факультете журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

2001 г. — приз за лучшую обложку молодежных журналов.

2001 г. — участие в Международном фестивале «Мода и стиль в фотографии», организованном Московским домом фотографии; лауреат главного приза фестиваля «Лучший фотопроjekt» за работу «Портрет Бенедетты Борзини».

2001 г. — приз фирмы «Кодак».

2001 г. — открытие авторской фотошколы.

2001 г. — выход первого альбома *Imperfecto*.

В 2001 г., по оценке Московского дома фотографии, признан классиком российской художественной фотографии.

В 2001 г. в рейтинге газеты «Коммерсантъ» Владимир Клавихо-Телепнев назван в числе двух лучших фотографов России.

2002 г. — выход второго альбома «Импрессии».

2002 г. — лучший фотопроjekt в конкурсе парфюмерии *Expo Beauty*.

2002 г. — международный приз за альбом *Imperfecto* — «Лучший фотоальбом Восточной Европы, 2001–2002 год» в Братиславе.

С 2003 г. преподает в Академии дизайна.

2003 г. — лучший фотопроjekt в конкурсе парфюмерии *Expo Beauty*.

Досье ОБУЧЕНИЕ КАРЬЕРА

